

Коржавин Наум
Моисеевич

15.12.05

Ex libris (прил. к Независимой). — 2005 —

15 дек. — С.Р.

Империя и свобода

Московские вечера Наума Коржавина

В ест о том, что Наум Моисеевич Коржавин снова прилетел в Москву, шла по столице семимильными шагами. Прошли встречи с друзьями и читателями, дискуссии на радио... Поэту исполнилось 80 лет. А издательство «Захаров» выпустило его новый двухтомник «В соблазнах кровавой эпохи» (серия «Биографии и мемуары»). Книгу давно ждали, фрагменты печатала «Дружба народов». Теперь заветными страницами может шелестеть каждый.

Книга посвящается жене и представляет собой воспоминания о жизни своей и страны, о переживаниях, которыми было наполнено общество, о попытках не просто выстоять, но и найти духовные основы.

Название книги не стоит воспринимать метафорично, хотя у многих современников возникает романтический флер при взгляде на историю государства тех лет. Эпоха была действительно кровавая. И конец ее автор определяет четко — до 1958 года. Именно тогда, по убеждению автора, случился пе-

Двухтомник воспоминаний Наум Коржавин посвятил жене — Любови Семеновне.

Фото автора

сорока человек, хотя администрация и предусмотрела маркетинговый ход (разместила Коржавина в отделе открыток, где

вероятный аншлаг: десятки зрителей, не поместившиеся в зале, стояли за дверями и слушали хриплые динамики. И в ЦДЛ пришли почитатели. Полный зал. Жаль, что малый.

Наум Моисеевич рассказывал о книге, о том, «что мы все-таки жили и чем мы все-таки жили», а потом переключался в режим диалога («лучше поговорим»), и начиналось общение. Коржавин говорил тихо, все затаивали дыхание, лишь бы не пропустить ни слова. Конечно, просили читать стихи. И стихи звучали.

А потом снова текли разговоры «за жизнь»: об интеллигенции, о политике, о творчестве, о коллегах-литераторах. Вообще, Наум Коржавин относится к делу строго: «Когда мне читают стихи и просят что-то сказать, я стараюсь в большинстве случаев уйти от ответа. Я могу сказать что-то резкое, но только тем, кому, как я могу надеяться, это будет полезно. Некоторым, более разумным людям, можно сказать «брось стихи», и они бросят. Это тоже

разумный совет, но на него не всегда можно решиться. Людям, которые всерьез пишут стихи, можно говорить самые резкие вещи; они не обидятся, если в них есть настоящее бие-ние».

Эту строгость к поэзии Наум Моисеевич всегда относил в первую очередь к себе, а мировоззрение его, по-видимому, подходит под определение Пушкина, данное Георгием Федотовым: «поэт империи и свободы».

Наум Коржавин взбадривал всех, говоря, что мы напрасно разуверились, что мощный литературный напор еще будет, ведь Россия — страна литературная... На днях поэт улетает обратно, в Бостон. А книга остается и даже будет допечатана. На вопрос о том, когда он прилетит снова, Коржавин ответил: «В моем возрасте такие обещания надо давать осмотрительно, но ЕБЖ (как говорил Лев Толстой), то есть «если буду жив», то через год». Будем надеяться, что с новой книгой!

Александр Герасимов

Людям, которые всерьез пишут стихи, можно говорить самые резкие вещи

релом; эпоха кончилась, с ней ушли и соблазны.

Презентация книги прошла в нескольких местах: в магазинах «Молодая гвардия» и «Фаланстер», в Доме-музее А.И. Герцена (тут же вспоминается коржавинское «Памяти Герцена») и в Центральном доме литераторов. Менялись лица, менялись вопросы, но от встречи к встрече становилось все очевиднее, что Наум Моисеевич не просто любим многими. Он необходим.

Если на презентации в «Молодой гвардии» было не больше

перед новогодними праздниками толкучка вполне объяснима), но было понятно, что эти страждущие — верные читатели.

В «Фаланстере» было много молодежи, обсуждались острые политические вопросы. Говорили о большевизме, о Белом движении, о тоталитаризме и сталинщине, коллективизации, перестройке, о Великой Отечественной, о власовцах, о необходимости противостоять исламу, об оранжевой революции... Казалось, обо всем говорили!

В Доме-музее Герцена — не много другая публика. Зато не-